

Анастасия Мэйдэй

Нейротоксин

Приманка жертвы

Он охотится на нее. Она боится.

Но кто кого на самом деле ищет в тёмном парке?

Анастасия Мэйдэй Нейротоксин. Приманка жертвы

<https://litres.ru/74285539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — идеальная жертва. Он — идеальный охотник. Он уже выбрал ее. Он следит за ней каждую ночь. Он уверен, что она — идеальная жертва. Но есть одна деталь, которую он не учел. И когда железная дверь подвала захлопнется за ними обоими, станет ясно: это не случайность.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Находка	9
Глава 2. Утро	13
Глава 3. Будни	18
Глава 4. Ритуал	25
Глава 5. Мастерская	28
Глава 6. Ключи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анастасия Мэйдэй

Нейротоксин.

Приманка жертвы

Пролог

Анна не могла уснуть.

Она уже два часа лежала на диване, вглядываясь в потолок, где от уличного фонаря дрожал желтый прямоугольник — единственный источник света в комнате. Тук, тук, тук. Сто двадцать три удара сердца она насчитала, потом сбилась. Сто двадцать четыре. На сто двадцать восьмом перестала считать: тело все равно отказывается успокоиться. Сердце, хоть и стучало часто, билось ровно, даже слишком ровно, будто насмехалось над ее попытками убедить себя, что завтрашний день можно будет прожить без привычной паники. Тревога уже пустила корни глубоко в груди, и вытащить их оттуда не удавалось. Они будто вращались в ребра, сжимали легкие, мешали дышать.

В комнате было холодно. Батареи под окнами еле грели, старый девятиэтажный дом с тонкими стенами не держал драгоценное тепло — оно нещадно уходило сквозь щели в оконных рамах, неплотно прикрытую дверь со стары-

ми уплотнителями, вентиляционную вытяжку на кухне. Анна натянула на плечи шерстяное одеяло, но дрожь не проходила — она шла отовсюду: изнутри, груди, живота, кончиков пальцев. Сжав ладони в кулаки, Анна впилась ногтями в кожу: острая боль была единственной вещью, которую она могла контролировать. Короткие, настоящие, болевые ощущения отрезвляли и не давали провалиться в черную пустоту, которая ждала за краем сознания. Девушка цеплялась за боль, как за якорь, и медленно считала до десяти, пока дыхание не становилось ровнее.

За окном раскинулся ночной город. Фонари горели желтым, но их свет не доходил до пятого этажа. Только тени — длинные, изломанные — ползли по стене, как пальцы, как руки, тянущиеся из темноты. Анна отвернулась к стене, но тени остались в голове. Они всегда там оставались, сворачивались в клубок в уголках сознания и ждали, когда она закроет глаза, чтобы выползти наружу. Она научилась жить с ними.

В городе пропадали женщины. Анна знала об этом из новостей, но старалась не включать лишний раз телевизор: ведь если увидит их лица, запомнит имена — перестанет выходить из дома, сойдет с ума. А выходить было нужно, хотя бы в аптеку. Лекарства заканчивались — в пузырьке оставалось таблеток на два дня, не больше. Без них не было бы сна: она лежала всю ночь с открытыми глазами и слышала каждый звук — скрип половицы в коридоре, капли воды в ванной,

чье-то дыхание за стеной. Точно ли за соседской стеной кто-то есть или это игра воображения?

Девушка села на диване. Простыня сбилась в комок и прилипла к спине. Ладонь скользнула по лицу — кожа оказалась влажной, хотя в комнате не было жарко. Пот выступал от страха, от бессилия, от привычной, въевшейся в кости тревоги. Иногда Анне казалось, что тревога стала ее единственным и таким родным состоянием. Что скрывается под этим чувством?

Завтра нужно снова идти в аптеку. Придется пересечь парк. Тот самый парк, о котором говорили по телевизору, где нашли вторую жертву, ту самую, в сером пальто. Она помнила ее лицо — бледное, с родинкой на носу. В новостях показывали фотографию убитой только одну секунду, но Анна запомнила ее навсегда. В том парке фонари горели через один, а кусты были такими густыми, что в них можно было спрятать все что угодно — и живого человека, и тело, и правду.

Сжав одеяло в кулаке, Анна прошептала в темноту:

— Я не пойду. Вытерплю один день без таблеток. Закажу доставку.

Но она знала, что это ложь. Доставка стоила почти половина того, что у нее осталось. До зарплаты было еще пять дней. Она не могла себе этого позволить — быть без денег или быть без лекарств столько времени.

Привычка была сильнее страха. Она всегда ходила через

парк — потому что это был самый короткий путь, потому что так было дешевле, потому что страх уже стал ее постоянным спутником и она уже не представляла жизни без него. Анна уже не помнила, когда в последний раз чувствовала себя в безопасности. Может быть, никогда. Может быть, она родилась с этим ощущением — что мир враждебен, что за каждым углом ждет опасность, что нужно быть начеку постоянно.

Она встала с дивана, и босые ступни коснулись холодного линолеума. По телу снова пробежала дрожь — мелкая, нервная, неуправляемая. Подойдя к окну, Анна отодвинула край выцветшей шторы, пахнувшей старой пылью и табаком от предыдущих жильцов. Внизу — пустая дорога, мокрый асфальт, одна-единственная машина под фонарем. Ни души вокруг. Но это не значит, что там никого нет. Анна научилась видеть тени там, где другие не видели ничего. Чувствовать чужой взгляд на себе, даже когда вокруг не было никого.

Штора плавно упала на место, и легкий стук крючков о карниз разорвал тишину. Взгляд скользнул по столу, на котором лежала старая карта города — распечатанная на принтере, с пометками, которые Анна делала ночами, когда не могла уснуть. Красные кружки, синие линии, желтые точки. Она смотрела на пометки каждый вечер, но сейчас не подошла к карте. Она итак все знала наизусть — каждый перекресток, каждый фонарь, каждую скамейку в парке. Карта стала частью ее самой, как привычка не спать по ночам.

Девушка снова легла на диван, укрылась с головой и закрыла глаза. Показалось, что в темноте, за входной дверью, кто-то отрывисто дышал. Конечно, это было всего лишь ее воображение. Или сквозняк из щели между дверью и полом. Или сам старый дом, который оседал, потрескивал и «вздыхал» по ночам. Анна говорила себе это каждый раз, но страх все равно пробирался внутрь, сворачивался в груди в какой-то противный сверток и не давал расслабиться.

Она лежала с открытыми глазами, слушала, как тишина в квартире сменяется гулом проезжающей машины, как ветер стучит веткой в стекло, как где-то за стеной глухо кашляет сосед.

Уснуть так и не удалось.

Глава 1. Находка

Утро началось как обычно — с серого неба и мелкого дождя, который, казалось, шел уже несколько дней подряд. Город просыпался медленно, и улицы были почти пустыми, когда пожилая женщина вышла на прогулку со своей собакой. Она жила на окраине, в районе старых частных домов, где тишина была такой же привычной, как запах мокрой земли и прелых листьев в это время года.

Собака — рыжий кобель с виляющим хвостом — бежала впереди, нюхала землю, забегала в кусты и возвращалась. Женщина не обращала на нее внимания — она знала, что пес не отойдет далеко. Но когда он остановился у старого забора, заросшего крапивой, и начал лаять, его хозяйка настояжилась.

— Что там, Рекс? — спросила она, подходя ближе.

Собака не унималась. Она лаяла на кусты, пытаясь пролезть под забор, и ее лай был тревожным, настойчивым. Женщина подошла ближе, отодвинула ветки и увидела что-то темное, лежащее в грязи. Сначала она подумала, что это мешок с мусором — кто-то выбросил его ночью. Но когда она присмотрелась, она увидела руку — бледную, неподвижную, с ярко-красным маникюром, который выделялся на сером фоне.

Она отшатнулась, прижимая руку к груди, и ее дыхание

перехватило. Она не закричала — она просто стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд. Через несколько секунд она развернулась и побежала к дому, спотыкаясь о корни, не чувствуя, как ветки хлещут по лицу. Она вбежала в дом, схватила телефон и дрожащими пальцами набрала 112.

— Там... там тело, — сказала она, и голос ее срывался на каждом слове. — За забором... в кустах...

Через час место преступления было оцеплено. Желтая лента, полицейские машины, люди в защитных костюмах — все это выглядело как кадр из фильма, но для Ковалева это была обычная картина. Он стоял у края оцепления, глядя на тело, которое лежало на мокрой земле, прикрытое полиэтиленом. Дождь продолжал моросить, и капли стекали по его плащу, оставляя влажные следы.

— Что у нас? — спросил он, не оборачиваясь.

Рядом стоял лейтенант, который уже успел поговорить с женщиной, нашедшей труп.

— Женщина, примерно двадцать пять лет. Нашли сегодня утром. Внешних признаков насилия нет, но мы ждем эксперта. — Лейтенант заглянул в планшет. — Личность устанавливается.

Ковалев кивнул и шагнул под ленту. Он подошел к телу, и один из криминалистов откинул край пленки. Женщина лежала на спине, ее глаза были открыты, и в них застыло выражение, которое Ковалев видел уже не раз — не страх, не боль, а удивление. Как будто она не поняла, что произошло,

даже в последний момент. Ее волосы были расчесаны, лицо чистое, будто женщину готовили к похоронам. На ней было надето платье, которое выглядело почти новым, без единого пятнышка.

— Чистая работа, — сказал Ковалев, и голос его был ровным, без эмоций.

Криминалист — пожилой мужчина с седыми висками и уставшими глазами — поднял голову.

— Та же техника. Без следов, без синяков, без ДНК. Она была задушена, но очень аккуратно — даже отметин от пальцев на шее нет. Он использовал что-то мягкое, возможно, ткань.

Ковалев смотрел на тело, и в его голове уже выстраивалась картина. Он знал, что это тот же убийца. Он знал, что это «Художник» — так его начали называть в прессе за его аккуратность и стерильность. Это непременно его почерк.

— Художник становится увереннее, — сказал Ковалев, и голос его стал тише. — Он начал оставлять тела там, где их находят. Раньше он прятал их лучше. Хочет, чтобы мы видели его работу — демонстрирует.

Криминалист кивнул:

— Возможно. Или он просто знает, что мы не можем его найти, и перестал бояться.

Ковалев сжал челюсти. Он чувствовал, как внутри него поднимается злость — холодная, липкая, которая не давала ему покоя уже два года. Он знал, что убийца смотрит на него

из тени и знает, что он ничего не может сделать.

— У нас есть что-нибудь? — спросил он. — Какие-нибудь улики, следы, свидетели?

— Ничего, — ответил криминалист. — Он работает идеально. Мы нашли несколько волосков, но они принадлежат жертве. Никаких отпечатков, никаких следов обуви. Он словно призрак.

Ковалев посмотрел на небо, где тучи медленно плыли, закрывая солнечный свет. Он подумал о том, что этот убийца — не просто преступник. Он — насмешка над системой, над законом, над ним самим. Его надо остановить его, но никто не знал как.

— Проверьте все камеры поблизости, — сказал он, хотя знал, что это бесполезно. — Опросите жителей, может быть, кто-то что-то видел.

Ковалев развернулся и пошел к машине, оставляя криминалистов на месте преступления — они ничего не найдут. Убийца продолжит убивать, и он ничего не сможет сделать. Ковалев сел в машину, закрыл глаза и представил лицо маньяка.

Глава 2. Утро

Резкий, хриплый смех разразил утреннюю тишину и заставил Анну подскочить на диване. Девушка мгновенно прижала одеяло к груди, сердце ухнуло куда-то в горло, и она замерла, вслушиваясь в тишину, которая наступила после. Через секунду звук повторился — уже тише, удаляясь. Кто-то прошел под окном. Этот был простой прохожий.

Медленный выдох. Анна заставила себя дышать ровно — вдох на счет четыре, выдох — на шесть, как учил когда-то психотерапевт, к которому она перестала ходить год назад. Она снова легла, уставилась в побеленный потолок, где от уличного света дрожала желтая трещина, похожая на молнию, застывшую в бетоне. Сон уже ушел — как всегда, каждое утро за последние несколько лет. Остались только тяжесть в голове и пустота в груди.

Комната была маленькой — типичная клетушка в старой хрущевке на пятом этаже. Стены, оклеенные серыми обоями с выцветшими цветами, которые когда-то были розовыми, хранили запахи десятилетий: табачный дым от предыдущих жильцов, вареной капусты из соседней квартиры, сырость, въевшуюся в штукатурку. Продавленный диван служил и спальным местом, и рабочим столом, и обеденной зоной — на нем же стояла кружка с остывшим чаем, на нем же лежала стопка распечаток, которые Анна принесла из изда-

тельства, но так и не открыла.

Узкий подоконник был заставлен пустыми банками из-под чая. Анна не курила, но любила смотреть, как в них медленно оседает пыль — серая, легкая, почти невесомая. Она находила в этом странное успокоение: время превращалось в налет на поверхности, и это было единственное доказательство того, что дни проходят. Значит, она все еще существует.

На стене напротив дивана висело зеркало в дешевой пластиковой раме. Единственное украшение, которое она не выбирала, — оно досталось вместе с квартирой. Анна избегала смотреться в него с тех пор, как перестала узнавать себя в отражении. Когда-то ее волосы были светлыми, густыми, длинными — теперь они висели тусклыми прядями, которые она лениво закалывала в небрежный пучок. Даже себе девушка не признавалась, что забросила себя: не красилась, не стриглась, не покупала новую одежду. На ней была старая серая футболка, растянутая в плечах, и черные тренировочные штаны — такой прикид носила уже три года.

Анна поднялась с дивана и побрела на кухню. Там было еще холоднее — батареи под окнами еле грели, и воздух казался плотным, влажным, пропитанным запахом старого дерева и газовой горелки, которая почти никогда не зажигалась с первого раза. Она наполнила чайник водой, повернула ручку, и красный огонек дрогнул, загорелся неровным пламенем, которое колебалось от сквозняка, проникающего через щель в раме. Анна смотрела на огонь, не отрываясь, пока

вода не закипела, потом насыпала в кружку дешевый чай без сахара и молока. Просто горячая вода с горьковатым привкусом, которая немного согревала руки, возвращая им чувствительность.

Девушка обхватила кружку ладонями и почувствовала, как тепло поднимается по пальцам, по запястьям, почти достигает локтей — но не идет дальше. Холод внутри был сильнее, он сидел глубоко, в костях, в ребрах, в том месте, где должна была быть уютная тяжесть от сытости, но была только пустота.

На плите стояла тарелка с засохшим рисом. Анна посмотрела на него и отвернулась, но не потому, что ее тошнило от вида еды. Она просто не помнила, когда ела в последний раз. Вчера? Позавчера? Она часто забывала поесть, и тело привыкло — оно перестало подавать сигналы голода, словно смирилось с тем, что его обладательница больше не заботится о нем. Иногда Анне казалось, что она растворяется, становится все более прозрачной, и однажды утром просто исчезнет, оставив после себя только пустую квартиру, засохший рис и пыль в банках из-под чая.

Ей было двадцать восемь. Сейчас, глядя в зеркало, можно было дать все сорок.

Она села на табуретку, обхватила кружку ладонями и уперлась в стену. Прямо на уровне глаз, на белой краске, темнело желтое пятно — старое, с неровными краями, похожее на карту неизвестной страны, где реки текли вверх,

а горы имели причудливые очертания. Анна рассматривала его каждое утро, находя в изгибах и разводах знакомые силуэты: то профиль человека, то очертания здания, то линию горизонта, которую она никогда не видела вживую. Пятно не менялось — время оставило на нем свой след, и оно застыло, как застывает все чему суждено оставаться неизменным. А она — менялась.

Анна допила чай, поставила кружку в раковину, где уже лежала грязная посуда, и прошла в коридор, чтобы одеться. На вешалке висело старое пальто, купленное на распродаже три года назад, — серое, с потертыми локтями и пятном от кофе на левом рукаве, которое она так и не отстирала. Натянув пальто на плечи, девушка поправила воротник и вышла из квартиры, заперев дверь на два замка.

На улице моросил мелкий дождь. Воздух был влажным, тяжелым, пропитанным запахом мокрого асфальта и выхлопных газов. Анна подняла воротник, пряча шею от колючих капель, и пошла к остановке. Путь лежал через двор, в котором у подъезда стояли ржавые качели и скамейка с отломанной спинкой. Она не смотрела по сторонам, только под ноги — на мокрый асфальт, на лужи, в которых отражалось серое небо, на опавшие листья, прилипшие к тротуару.

Автобус пришел почти пустой. Анна села у окна, прижалась головой к холодному стеклу и закрыла глаза, позволяя себе хотя бы на несколько минут выпасть из реальности. За окном проплывали мокрые дома, мокрые деревья, мокрые

люди, которые куда-то спешили. Она смотрела на них сквозь ресницы и чувствовала, как ее собственное тело становится таким же расплывчатым, как эти силуэты за стеклом.

Глава 3. Будни

Издательство, в котором Анна работала корректором, находилось на окраине города — серое двухэтажное здание с вывеской, на которой давно потускнели буквы. Внутри пахло старой бумагой, пылью и офисным чаем, который никто не любил, но все пили — потому что больше нечего было делать, потому что кофе стоил дорого, потому что так было заведено. Этот чайный запах вьелся в стены, в одежду, в волосы, и даже дома Анна иногда чувствовала его, когда закрывала глаза — терпкий, сухой, чуть сладковатый.

Ее кабинет был крошечным: старый письменный стол, компьютер с пыльным монитором, стул на шатких ножках, шкаф, доверху заполненный папками. Сюда девушка приходила в девять утра и сидела до шести вечера, читая чужие тексты, исправляя ошибки, расставляя запятые. Иногда она перечитывала один абзац по десять раз — не потому, что не могла найти ошибку, а потому, что не могла сосредоточиться. Слова расплывались, как пятна на мокром стекле, мысли ускользали в какие-то темные углы сознания, и она смотрела на монитор, ничего не видя, пока не проходило несколько минут, а иногда — и полчаса.

В дверь заглянула коллега Лена — веселая, громкая, всегда ярко накрашенная. От нее пахло дорогими духами, сладкими и чужими, как запах другой жизни, которая текла где-

то параллельно, не пересекаясь с серым существованием Анны.

— Ань, ты как? — спросила Лена. В ее голосе звучала искренняя забота, смешанная с тревогой.

— Нормально, — ответила Анна, не поднимая головы от монитора. Она смотрела на текст, но не видела букв — только черные точки, которые складывались в узор, не имеющий смысла.

— Бледная. Опять не спала?

Анна промолчала. Она не хотела врать, но и правду говорить не могла. Просто не знала, как объяснить Лене, что сон стал для нее роскошью, недоступной, как отпуск или новая одежда. Коллеге этого не понять. Как же раздражает эта чрезмерная забота и показной оптимизм!

Лена вздохнула, положила на край стола шоколадку в яркой обертке.

— Держи. От меня. Выглядишь так, будто тебя вчера переехали.

— Спасибо, — сказала Анна, но не посмотрела на угощение. Она знала, что шоколадка будет лежать на столе несколько дней, пока кто-нибудь из коллег не заберет ее, или пока она не засохнет, или пока Анна не выбросит ее вместе с мусором.

Она знала, что Лена добрая. Все в издательстве были добрыми — приносили чай, угощали печеньем, интересовались, как дела. Они хотели помочь, но не знали как. Анна не по-

нимала, как она сюда вообще попала, в эту обитель добродетели и хороших манер? И никто из них не знал, что внутри живет черная пустота, которая с каждым днем становится все больше, заполняя собой грудь, живот, голову, вытесняя все, что когда-то было светлым. Никто не знал, что она уже боится всего: громких звуков, резких движений, темноты, людей, случайных прикосновений.

Но Анна не говорила им обо всем этом. Зачем? Она просто сидела за столом и смотрела на монитор, пока слова не переставали быть словами и не превращались в тени.

Лена, сидя за своим столом, смотрела на Анну уже несколько минут, притворяясь, что читает электронное письмо. На самом деле она разглядывала ее — бледную, с темными кругами под глазами, сжавшуюся в кресле так, как будто пыталась занять как можно меньше места. Анна сидела неподвижно, уставившись в монитор, и уже несколько раз перечитывала одну и ту же страницу. Лена видела это по ее глазам — они двигались по строкам механически, без остановки, но без концентрации.

Лена знала Анну уже два года. Они пришли в издательство почти одновременно — Анна через неделю после нее. Сначала Лена думала, что она просто замкнутая, стеснительная, и нужно время, чтобы она привыкла. Но время шло, а Анна не менялась. Она приходила на работу, сидела за своим столом, проверяла тексты, уходила домой — и так каждый день, без выходных, без перерыва. Она никогда не ходила на

корпоративы, не пила кофе с коллегами, не оставалась после работы поболтать. Она была вежливой, но отстраненной, как будто держала невидимую стену между собой и всем остальным миром.

Лена отложила телефон, встала и подошла к столу Анны. Она старалась двигаться легко, чтобы не напугать ее, но когда она оказалась рядом, Анна даже не подняла головы.

— Анята, — позвала Лена, и голос ее был мягким, почти ласковым.

Анна подняла глаза. В них была пустота — не усталость, а что-то более глубокое, какая-то давняя, привычная пустота, которую Лена замечала в ней каждый раз, когда смотрела чуть дольше, чем нужно.

— Что? — спросила Анна, и голос ее был безжизненным, как у человека, который говорит во сне.

— Ты как? — спросила Лена, и она присела на край стола, чтобы быть ближе. — Ты выглядишь такой бледной последнее время. Ты спишь вообще?

Анна отвела взгляд и снова уставилась в монитор.

— Нормально. Я в порядке.

— Ты не в порядке, — сказала Лена, и ее голос стал мягче, настойчивее. — Я вижу. Ты каждый день такая. Бледная, уставшая, будто не спишь неделями.

Анна промолчала. Ее пальцы сжали ручку, и Лена заметила, как они дрожат — мелко, почти незаметно, но дрожат.

Лена вздохнула, подошла к своему столу, взяла печенье,

которую всегда держала про запас, и положила его перед Анной.

— Держи. Съешь. Ты даже не завтракаешь, я знаю.

— Спасибо, — сказала Анна, но не посмотрела на угощение. Она просто смотрела в одну точку на экране, и ее пальцы сжимали ручку так сильно, что побелели суставы. Внутри закипало раздражение.

Лена не уходила. Она стояла рядом и смотрела на Анну, чувствуя, что та закрывается, как улитка в раковине, и не знала, что сделать, чтобы ее открыть. Лена знала, что Анна не расскажет, что с ней происходит. Она никогда не рассказывала. Но Лена знала также, что если она уйдет, Анна останется одна со своей пустотой, а это было хуже всего. Для Лены.

— Слушай, — сказала Лена, наклонившись к ней, — давай сегодня после работы сходим куда-нибудь. Ну, в бар. Или просто прогуляемся. Я знаю одно место на набережной, там тихо, можно просто посидеть, посмотреть на воду.

Анна подняла голову, и на мгновение в ее глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение, на колебание. Она хотела сказать «нет». Лена видела это по ее губам, которые уже начали шевелиться, чтобы произнести отказ. Но она вдруг остановилась, и вместо «нет» она просто сказала:

— Мне нужно домой. В аптеку.

— Ты каждый день ходишь в эту аптеку, — сказала Лена, и в ее голосе появилась резкость, которую она не могла

сдержать. — Ты хоть помнишь, когда в последний раз была где-то кроме работы и дома?

Анна не ответила. Она просто посмотрела на Лену, и в ее взгляде было что-то, что Лена не могла прочитать. Не страх, не грусть, а что-то более сложное — смесь усталости и решения, которое она не могла понять. И отблески негодования.

— Ты не знаешь, — сказала Анна, и голос ее был тихим, почти беззвучным. — Ты не знаешь, что у меня внутри.

Лена замерла. Она не ожидала таких слов от Анны — от той, которая всегда молчала, которая никогда не говорила о себе, которая избегала любых разговоров о том, что происходит у нее в душе.

— Тогда скажи мне, — сказала Лена, и ее голос стал мягче, почти шепотом. — Ты не должна быть одна.

Анна посмотрела на нее долгим взглядом, и Лена увидела в нем что-то, чего раньше не было: боль, которая была старше их знакомства, старше работы, старше всего, что она знала об Анне. На мгновение ей показалось, что Анна сейчас скажет что-то важное, что-то, что объяснит все — ее молчание, страх.

Но Анна просто покачала головой и отвела взгляд.

— Я в порядке, — сказала она. — Правда. Мне просто нужно время.

Лена стояла рядом, смотрела на нее и знала, что это ложь. Но она не могла заставить ее говорить.

— Хорошо, — сказала Лена, и голос ее был тихим. — Но

если что-то изменится, если ты захочешь поговорить — я здесь. Всегда.

Она повернулась и пошла к своему столу, оставляя Анну одну.

Но Лена чувствовала, как внутри нее растет тревога, которая говорила ей, что с Анной происходит что-то плохое; что она не справится одна, что она не попросит помощи, даже когда она ей будет нужна. И Лена знала, что будет смотреть на нее каждый день, будто бы даже ждать, когда она сломается, и надеяться, что будет рядом, когда это случится.

Глава 4. Ритуал

Квартира встретила его тишиной. Она была не пустой, не звенящей, а плотной, осязаемой — как мутная вода, которая заполняет пространство, уши, ноздри, когда опускаешься на дно. Он стоял в прихожей и слышал только собственное дыхание. Ровное, но тяжелое, как будто легкие работали с трудом, хотя он не делал ничего, кроме того, что шел по городу, по парку, по темноте.

Он повесил пальто на крючок. Движение было механическим, отработанным годами: левая рука придерживает плечо, правая — снимает, вешает, поправляет воротник. Он не смотрел на пальто, но знал, что оно чистое. Он всегда знал, что оно чистое. Он был аккуратен. Он был стерилен. Он был человеком, который не оставляет следов. Нигде.

Он прошел в ванную. Включил свет. Лампочка под потолком зажглась с легким жужжанием, и он на мгновение зажмурился — свет был слишком ярким, почти болезненным, как будто резал глаза. Он стоял перед зеркалом и смотрел на себя. На него смотрел мужчина в безупречно выглаженной рубашке, с аккуратной стрижкой и чисто выбритым лицом. Его глаза не были уставшими или злыми. Разве может кто-либо достоверно сказать, что пустота есть зло? Просто взгляд человека, который смотрит на мир сквозь стекло и не чувствует его.

Он начал ритуал.

Сначала включил воду. Струя зашумела, ударяясь о белую раковину, и пар от горячего напора начал подниматься, оседая на зеркале тонкой пеленой. Он смотрел, как его лицо начинает расплываться, терять очертания, превращаться в бледное пятно. Он смотрел на это и думал о том, что его лицо все равно не имеет значения. Оно просто маска, которая помогает жить в мире актеров. Все играют, просто выбирают разные роли. Иногда ты выбираешь роль, иногда роль выбирает тебя. Все равно.

Затем он взял мыло. Нейтральное, без запаха — он ненавидел запахи, они нарушали чистоту, они смешивались с чем-то ненужным, чего не должно быть. Мыло скользило в его ладонях, и он чувствовал его гладкую поверхность, его прохладу. Он намылил руки, и пена покрыла его пальцы, запястья, ладони. Он тер кожу, методично, тщательно, как будто пытался стереть с нее то, что не могло быть стерто.

Он задержал дыхание, когда его пальцы скользнули под ногти. Там, под ногтями, могли остаться частицы — невидимые, но существующие. Он вычищал их щеткой, жесткой, с короткой щетиной, и чувствовал, как щетинки впиваются в кожу, оставляя красные следы. Он не смотрел на руки — он смотрел на свои глаза в зеркале, размытые паром, и пытался найти в них что-то, что напоминало бы о человеке.

Он смыл пену. Вода стала прозрачной, и он выключил кран. Он смотрел на свои руки — они были чистыми, белы-

ми, без единого пятна. Но он все еще чувствовал что-то на коже. Что-то липкое, невидимое, что не смывалось водой. Он не знал, что это было. Он не хотел знать.

Он вытер руки полотенцем и снова посмотрел в зеркало. Пар начал оседать, и его лицо снова появилось — бледное, аккуратное, безупречное. Он улыбнулся себе, но улыбка не коснулась глаз. Она была просто движением губ, механическим, ничего не выражающим.

— Ты должен чувствовать, — сказал он вслух, и голос его звучал глухо, как будто он говорил из глубокого колодца. — Ты должен чувствовать что-то. Ты должен чувствовать облегчение, радость, удовлетворение.

Но он не чувствовал ничего.

Глава 5. Мастерская

Он прошел в мастерскую. Свет здесь был другим — теплым, приглушенным, исходящим от настольной лампы на столе. Он сел в кожаное кресло, и оно скрипнуло под его весом — старый, привычный звук, который он слышал каждый день. Он закрыл глаза и позволил себе утонуть в тишине.

В его голове всплыло ее лицо.

Она была молодой, лет двадцати пяти, с ярко-красным маникюром и длинными темными волосами, которые он расчесал перед тем, как оставить ее в парке. Муза. Картина. Он помнил ее глаза — широко открытые, смотревшие на него с удивлением, как будто она не верила, что это происходит. Он помнил, как она дышала, когда он подошел к ней — прерывисто, сбивчиво, как человек, который пытается убежать от того, что уже настигло его. Он помнил, как его руки сомкнулись на ее шее, как она пыталась оттолкнуть его, но силы покидали ее.

— Ты была грязной, — сказал он вслух, и его голос дрогнул. — Ты была грязной, и я очистил тебя.

Он попытался поверить в эти слова. Он хотел верить, что это правда. Но внутри него что-то шевельнулось — сомнение, холодное и липкое, как слизняк. Он вспомнил ее лицо, ее глаза, ее губы, которые дрожали, когда она пыталась что-то сказать. Он вспомнил, как она обмякла, как ее тело стало

тяжелым, как он осторожно положил ее на землю, вытер ее лицо, пригладил волосы, поправил платье.

Он думал о том, что она была красивой. Она была живой. И она уже потом была чистой.

Он открыл глаза и посмотрел на мольберт. На нем стоял незаконченный портрет женщины с темными волосами — тот, который он начал несколько недель назад. Он смотрел на него, но не видел лица. Он видел только пятна краски, которые не складывались в образ. Он думал о том, что когда-то искусство давало ему смысл. Когда-то он верил, что создает красоту из хаоса. Но теперь он не верил в это.

Он встал, подошел к мольберту и взял кисть. Она была тонкой, почти невесомой, и он обмакнул ее в краску — темно-синюю, почти черную. Он провел первую линию. Она была неровной, дрожащей, как будто его рука не слушалась хозяина. Внутри него поднималось что-то горячее, что он не мог контролировать — злость, или отчаяние, или страх. Он не знал, как назвать это чувство, но оно было там, внутри, и оно росло.

— Ты должна была быть идеальной, — сказал он, обращаясь к портрету. — Ты должна была быть чистой.

Но портрет молчал. Он просто стоял на мольберте, глядя на него пустым лицом, которое он не мог заполнить ничем.

Он отложил кисть и отошел от мольберта. Он подошел к шкафу, где лежали папки с фотографиями, и открыл его. Внутри было тихо, как в библиотеке, когда книги ждут сво-

их читателей. Дверца открылась с легким скрипом — петли давно требовали смазки, но он не обращал на это внимания. Внутри, на деревянных полках, аккуратно лежали папки. Все одинаковые, все в строгом порядке — по годам, по месяцам, по именам. Он знал каждую страницу, каждую фотографию.

Он достал одну папку. Она была темно-зеленого цвета, почти черного, с тканевым корешком, который чуть потерся на сгибе. На обложке не было никаких надписей — он помнил содержимое по расположению на полке. Папка была плотной, тяжелой, около трех сантиметров толщиной. Ее поверхность была гладкой, но не скользкой — картон, покрытый тонким слоем ламината, который слегка охлаждал пальцы.

Он открыл ее. Внутри, на плотных матовых листах, были вклеены фотографии. Каждая фотография была подписана его аккуратным, почти каллиграфическим почерком: имя, возраст, дата, место. Он провел пальцем по краю одной из них — бумага была шершавой, чуть шероховатой, с легким запахом старой фотопечати и ванили, который он помнил с детства. От этого запаха у него всегда перехватывало дыхание.

Всего в папке было двадцать три страницы — по одной на каждую жертву. Некоторые страницы были пустыми, как будто он заранее готовил место для тех, кто еще не появился. Он перевернул одну из них, и его пальцы задержались на фотографии, где была изображена женщина с темными

волосами — та самая, которую он оставил в парке сегодня утром. Ее лицо смотрело на него с бумаги, и сейчас ее глаза были пустыми, как и его собственные.

Он закрыл папку. Его пальцы все еще чувствовали текстуру картона — гладкую, но чуть шероховатую на сгибах. Он поставил папку на место, и она легла ровно, как будто ее никогда не трогали.

Он знал, что продолжит. Знал, что не сможет остановиться. Но в этот момент он не чувствовал ничего, кроме пустоты. Он стоял в своей мастерской, смотрел на мольберт, на кисти, на папки с фотографиями, и его голова была пустой, как и его сердце.

— Это все, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Это все, что я могу.

Он выключил свет и вышел из мастерской. Он прошел в спальню, лег на кровать и закрыл глаза. Он знал, что завтра будет новый день. Он знал, что завтра он снова выйдет на охоту, снова найдет жертву, снова совершит ритуал. Но сейчас он просто лежал в темноте, слушал тишину и чувствовал, как пустота внутри него становится все больше и больше, пока она не заполнила его целиком. И он уснул.

Глава 6. Ключи

В половине шестого Анна вышла из офиса, и холодный дождь сразу же принялся хлестать по лицу, заставляя щуриться и прятать шею в приподнятый воротник пальто. Мельчайшие капли, почти невесомые, оседали на коже, оставляя ощущение липкой сырости, которая пробиралась под одежду, заставляя дрожать даже при быстром шаге. Ветер, порывистый и колючий, гнал по мокрому тротуару опавшие листья, швырял их под ноги, путал волосы, заставляя придерживать их рукой. Анна шла, опустив голову, облизала потрескавшиеся губы. И принялась разглядывая лужи, в которых отражались серые облака, похожие на старые ватные одеяла, натянутые между домами.

До остановки пришлось идти через пустой сквер, где скамейки были покрыты слоем мокрой листвы, а фонари еще не зажглись, оставляя пространство в полумраке. Автобус вновь подошел почти пустой — только на заднем сиденье дремал мужчина в спортивном костюме, да у входа стояла пожилая женщина с тяжелыми сумками. Анна села у окна, прижалась головой к холодному, влажному стеклу, ощущая, как вибрация от работающего двигателя передается через пластик в висок, и закрыла глаза.

Мысли кружились по одному и тому же кругу, как звери в клетке, из которой нет выхода: дом, аптека, лекарства.

Без них не уснуть, а без сна она превращается в тень, которая лишь механически передвигается по городу, делая вид, что живет. Бессонница, вот главное средство для сведения с ума. Анна знала, что путь через парк — опасный. В новостях снова говорили о пропавшей женщине — третьей за месяц. Коллеги в издательстве перешептывались, понижая голос до шепота: «Маньяк», «он выбирает ночных», «никто не знает, кто он». Эти слова въелись в память, как заусенцы, которые не получается удалить, но привычка, выработанная годами, оказывалась сильнее страха. Она проходила через этот парк каждый вечер, потому что это был самый короткий путь от остановки до ее подъезда, а такси стоило денег, которых у нее не было. Что ж, страх хотя бы позволял почувствовать себя живой.

Автобус остановился на ее остановке, лязгнув дверями. Анна вышла, ступила на мокрый асфальт и сразу же машинально сжала в кармане пальто связку ключей. Металлические зубцы впивались в подушечки пальцев, вызывая резкую, отрезвляющую боль — единственное оружие, которое у нее было, единственная защита, если кто-то выпрыгнет из темноты. Каждую ночь она прокручивала в голове сценарий: всадить ключи в глаз — и выдернуть. Всадить и выдернуть. Она знала, что на самом деле никогда не сделает этого — слишком боялась крови, чужого крика, собственной решимости. Но сама мысль о том, что у нее есть хоть что-то, способное причинить боль, придавала сил, чтобы не остановить-

ся, не развернуться, не побежать обратно в автобус.

За прилавком небольшой, ярко освещенной аптеки стояла полная женщина с теплыми карими глазами, изгиб губ которой выдавал привычку улыбаться. Она уже знала Анну в лицо, знала ее покупки, знала ее тихий голос, которым та произносила одно и то же слово: «Да».

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — произнесла фармацевт Елена Петровна, и в голосе послышалась мягкая, почти материнская забота. — Вам как обычно?

— Да, — ответила Анна, и голос прозвучал почти беззвучно, растворившись в стерильном воздухе помещения, пропитанного запахом лекарственных трав и спирта.

Две коробочки легли на прилавок — успокоительное и снотворное. Анна смотрела на них уже год, но каждый раз при виде скромной упаковки внутри что-то сжималось, становилось меньше, как будто она все еще надеялась, что однажды они не понадобятся. Лицо фармацевта выражало тревогу, которую та прятала за доброй улыбкой.

Рядом Елена Петровна поставила пузырек с медицинским спиртом — большой, в темном стекле. Анна брала его каждый месяц, для компрессов и обработки порезов, на всякий случай. Хотя порезов у нее никогда не было.

— Может быть, все-таки сходите к врачу? — осторожно спросила женщина. — Вы так давно принимаете их...

— Это помогает, — отрезала Анна, взяла пакет, положила деньги на прилавок — триста рублей, все, что у нее осталось

до зарплаты — и вышла, почти не попрощавшись.

Обратный путь через парк, всегда казавшийся бесконечным, растягивался еще сильнее, когда дождь и ветер сговаривались против нее. Фонари горели через один, оставляя между пятнами света длинные участки густого мрака, где ветки деревьев, мокрые и тяжелые, нависали над головой, как пальцы, готовые сомкнуться. Анна ускорила шаг, почти перешла на бег, и снова сжала ключи — теперь в другом кармане, рядом с пакетом. Металл охлаждал пальцы, и она думала о том, что будет, если все-таки решится — если не испугается, если найдет в себе силы сделать то, о чем думала каждую ночь.

Взгляд был прикован к свету в конце аллеи — желтым квадратам окон, теплым и обещающим безопасность. До них оставалось пять минут ходьбы, потом четыре, потом три. Счет в голове оборвался вместе с дыханием, потому что воздух за спиной стал другим — плотнее, тяжелее. И вместе с ним пришли шаги.

Это не был шум ветра или шелест листьев. Тяжелые, отчетливые, приближающиеся. Шаг — пауза — еще шаг. Будто тот, кто шел за ней, не торопился, наслаждался моментом, знал, что она никуда не денется.

Тело застыло на мгновение — сердце рухнуло куда-то в живот, потом подскочило к горлу, и кровь отхлынула от лица, оставив кожу ледяной и чужой. Пальцы сжали связку ключей так сильно, что костяшки побелели, выступив остры-

ми углами. Мысль пронеслась за долю секунды: резкий выпад, поворот корпуса, удар — и бежать. Удар в лицо, в глаз, в шею, куда угодно, лишь бы хватило сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.